

Якунин В.И.

Равенство реальное и воображаемое: как ценность превращается в инструмент идеологического господства

Якунин Владимир Иванович — доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: viy@polit.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [1110-2439](https://elibrary.ru/1110-2439)

Аннотация

В данной статье рассматривается феномен неравенства с точки зрения его влияния на социально-политические процессы, развивающиеся в современном мире. После краха реального социализма и распространения рыночной экономики на подавляющее большинство стран мира неравенство не только не исчезло, но и значительно выросло. Это противоречило тем идеологическим постулатам, под лозунгом которых формировалась новая модель мироустройства. Рост неравенства внутри стран Запада привел к опасному социальному расслоению и ускорению процессов сегментации общества: взаимному отчуждению социальных групп, отличающихся по уровню жизни. Автор формулирует вывод о том, что на современном этапе необходимо глубокое переосмысление концепции равенства.

Ключевые слова

Равенство, идеология, идеологический инструмент, социальное расслоение, страны Запада.

Предварительные замечания

Приверженность идее равенства, хотя и трактуемой по-разному, является визитной карточкой многих политических учений и социально-экономических доктрин, конституций и программ политических партий. Во имя равенства статусов или, говоря современным языком, формального равенства или равенства всех перед законом, произошли великие революции конца XVIII — первой половины XIX века. Именно идея равенства, несмотря на сохранение рабства и цензовую демократию, как замечает М. Ван Кревельд, стала одним из фундаментальных оснований американской системы правления¹. О равенстве и неравенстве писали многие выдающиеся мыслители той поры — в их числе А. де Токвиль, Б. Констан и Ф. Гизо². Именно в стремлении к равенству они видели движущую силу истории Европы³.

Однако постепенное уравнивание статусов не решало основной проблемы, очень точно в свое время подмеченной Платоном, — любое государство «представляет собою

¹ См.: *Кревельд М., ван.* Американская загадка / Пер. с английского. М.: ИРИСЭН, 2008.

² *Mannet P.* Intellectual History of Liberalism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996. P. 84–113.

³ Отметим, что Гизо или Констан, считали: социальные условия начала девятнадцатого века обеспечивают большую степень равенства, чем когда-либо и где-либо. Следовательно, история Европы кончилась, процесс достиг своего завершения. Поразительно, что спустя почти двести лет идентичную неуверенность в будущем испытывают и наши современники. Вспомним, Ф. Фукуяму и его сравнения победы либерализма с концом истории.

множество государств... Как бы там ни было, в них заключены два враждебных между собой государства: одно — бедняков, другое — богачей»⁴. Именно эту проблему хотел разрешить К. Маркс, предложив свою концепцию «бесклассового общества», которое он рассматривал как «ассоциацию, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»⁵. Комментируя это положение марксизма, современный французский мыслитель П. Розенваллон отмечает: «термин “равенство” в первую очередь ассоциировался у них [марксистов — прим. авт.] с идеалами эмансипации и автономии, а также с последовательным строительством мира гордых людей, живущих среди равных себе, мира, в котором нет различных уровней, разделяющих или унижающих людей». Общество равных, по Марксу, следовательно, есть «общество, в котором труд не подчиняется паразитирующим, а достойная жизнь гарантирована всем»⁶. Именно немецкий мыслитель одним из первых высказал идею о том, что движущей силой истории является стремление не только к формальному, но и к фактическому равенству.

В западных странах конвергенция либерального и социалистического понимания равенства находит свое отражение в концепции государства всеобщего благоденствия (*welfare state*). Последнее рассматривается в качестве такой формы организации политической власти, которая «берет на себя функции исправления дисбалансов общественного развития»⁷. Иными словами, такое государство должно обеспечить ликвидацию максимального количества проявлений неравенства. Равенство, таким образом, становится здесь фундаментальной ценностью, легитимирующей обширные полномочия власти, а также критерием, основываясь на котором, граждане будут оценивать эффективность политики конкретных правительств и государственных структур в целом.

Достигли ли западные государства желаемого результата — создания общества равных? Или это стремление осталось лишь декларацией, позволяющей успешно манипулировать предпочтениями электората, а реальность западных стран не только укрепила старые, но и породила новые формы неравенства? Именно на этот вопрос мы и попытаемся дать ответ в предлагаемом небольшом исследовании.

⁴ Платон. Государство. М.: Русайнс, 2017.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Сочинения. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 447.

⁶ Розенваллон П. Общество равных. М.: Московская школа политических исследований, 2014. С. 294.

⁷ Исаев М.А. История государства и права зарубежных стран. М.: Юрайт, 2011. С. 928.

Равенство как ценностный компонент идеологии

Равенство во все времена использовалось как политический лозунг. Не будем ходить далеко за примерами: все великие революции осуществлялись во имя торжества равенства. Вспомним знаменитое положение Декларации о независимости США 1776 г. о том, что «все люди созданы равными». Приведем также утверждение участника событий Французской революции П.Л. Редерера: «Чувством, которое вызвало первую вспышку революции, вдохновило ее самые неистовые порывы, позволило добиться самых серьезных успехов, была приверженность к равенству»⁸. Кроме того, здесь нельзя не упомянуть и Русскую революцию 1917 г., ведь идея равенства стала основным движущим механизмом всего советского проекта. Неизменно в результате всех великих революций возникали режимы, которые вокруг идеи равенства формировали всеохватывающие идеологические системы.

Нечто похожее случилось и на рубеже 1980–1990-х гг. Фактически тогда произошла еще одна революция во имя равенства, вернее, ее тут же попытались представить таковой. СССР и социалистическая система рухнули настолько внезапно и неожиданно, что преобладающей быстро стала наиболее простая объяснительная схема: при социализме люди жили плохо, страдали от имущественного и социального неравенства и поэтому свергли советский строй. Главным глашатаем этой идеи был, безусловно, Ф. Хайек, назвавший равенство в социалистическом обществе дорогой к рабству⁹. В то же время либеральное общество должно было обеспечить качественно новое равенство для всего человечества — равенство шансов и возможностей. Здесь нельзя не упомянуть прогноз Ф. Фукуямы: «По мере роста стандартов жизни, когда население станет более космополитичным и лучше образованным, <...> общество в целом достигнет большего равенства условий»¹⁰. Иными словами, человечество в 1991 г. встало на дорогу, которая неизбежно, по мере улучшения условий жизни, выведет его к полному равенству.

Справедливости ради отметим, что автоматического равенства по принципу «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям» никто не обещал. Речь шла о равенстве шансов, что, впрочем, казалось вполне достаточным. Каждому жителю Земли дадут удочку и посадят на берегу реки, кишасей рыбой. Ему останется лишь закидывать леску. Иными словами, утверждалось, что больше нет никаких априорных ограничений

⁸ Цит. по: Розанваллон П. Указ. соч. С. 10.

⁹ См.: Хайек Ф.А., фон. Дорога к рабству / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2005.

¹⁰ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.В. Левина. М.: АСТ, 2004.

для улучшения людьми своего материального положения и социального статуса. Нет ни привилегий, присвоенных партийной номенклатурой по праву власти, ни особых категорий населения, снабжающихся товарами и продуктами особого качества, ни «железного занавеса», который отсекал миллионы людей от всех благ западной цивилизации. Все зависит исключительно от индивида. Все в его руках.

Ценность равенства, таким образом, стала фундаментальной основой неолиберальной идеологии. Впрочем, налицо были и очевидные изъяны. По нашу, советскую сторону «железного занавеса» мало что знали о социальном дне, существовавшем в странах Запада. В некоторых, даже наиболее благополучных из них, оно включало миллионы человек. Так, в знаковом для всего мира 1991 г. число бедных в США обновило исторический максимум в 35 млн человек (14% от общей численности населения) и достигло почти 40 млн 2 года спустя¹¹. В Америке конца XX в. продолжали звучать актуально слова К. Маркса столетней давности: равенство по-американски дало лишь одно — свободу ночевать под мостом и богатым, и бедным.

Социальные издержки внедрения неолиберальных рецептов были очевидны на примере некоторых стран т. н. третьего мира. Проведенные по методам чикагской школы реформы в Чили после переворота 1973 г. хотя и привели к некоторой макроэкономической стабилизации, однако ввергли в нищету до 40% населения страны¹². Простое логическое рассуждение давало дополнительные доводы против веры в новую «манну небесную». Вопреки всему тому, что писали идеологи неолиберализма, есть блага, которые в принципе могут принадлежать лишь немногим. Это так называемые статусные или позиционные блага¹³ — те, которые существуют в заведомо ограниченном количестве. Все люди одновременно не могут пить дорогие вина или жить на вилле с видом на Женевское озеро. Иными словами, не все могут достичь того, чего может достичь каждый.

Тем не менее, идея того, что человечество, наконец, добьется возможности построить мир равных, получила всеобщую поддержку. Она активно вбрасывалась в массовое сознание при помощи СМИ посредством нехитрых объяснительных схем. Современная глобальная экономика настолько динамична, что ресурс ее экспансии безграничен. Рано или поздно ее дивиденды получит каждый. Да, мобильные телефоны

¹¹ Источник статистических данных: U.S. Census Bureau, Current Population Survey, 1960 to 2016 Annual Social and Economic Supplements.

¹² См.: *Valdés J.G.* Pinochet's Economists: The Chicago School in Chile. New York: Cambridge University Press, 1995.

¹³ См.: *Hirsch F.* Social Limits of Growth. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1976.

первоначально появляются не у многих. Но технологии развиваются настолько быстро, что издержки на их производство сокращаются буквально в течение нескольких лет, и вот еще вчера недоступный простому смертному телефон лежит у него в кармане. И так произойдет с любым товаром. В конце концов, общество потребления расширится до масштабов всего мира, ликвидировав неравенство в принципе.

В пользу этого вроде бы говорили и цифры. Во Франции 1% самых богатых граждан, которым принадлежало в 1913 г. 53% всего имущества, в 1984 г. обладал лишь 20% от общего его объема. В США на долю 10% лиц с самыми высокими доходами накануне кризиса 1929 г. приходилось 50% всех доходов, а затем, с начала 1950-х до начала 1980-х годов, эта цифра составляла около 35%. В Швеции в 1980 г. на долю 1% лиц с высокими доходами приходилось 23% всех доходов, тогда как в начале века эта цифра достигала 46%¹⁴. Проблема заключалась в том, что эти цифры были усредненными и касались лишь развитых стран Запада.

С позиции стороннего наблюдателя все это выглядит малоубедительно. Сегодня мы знаем о последствиях нескольких финансово-экономических кризисов, прокатившихся по миру с 1991 г., которые доказали, что идея о бесконечном потенциале развития глобальной экономики оказалась ложной. Тем не менее, ценность равенства до сих пор прочно встроена в неолиберальную идеологию и активно эксплуатируется ради ее поддержания на плаву. Более того, она используется не только на внутри-, но и на внешнеполитическом уровне. В обоих случаях мы имеем дело не с равенством как таковым, а с идеологическим инструментом. О реальном равенстве нигде не идет и речи. Напротив: стремление любой ценой сохранить рушащийся под собственным весом неолиберальный порядок мешает увидеть набирающий темпы рост неравенства.

Неравенство внутри

Начнем с Запада. Здесь исторически был достигнут наивысший показатель социального и имущественного равенства, здесь же его падение выглядит наиболее очевидным. Западный средний класс в XX в. был столпом экономической стабильности. Нельзя не согласиться с Тома Пикетти: «Становление настоящего “имущественного среднего класса” является ключевым структурным изменением в распределении богатства в развитых странах в XX веке»¹⁵. Его обеднение является поэтому наиболее характерным. В первую очередь следует обратиться к США — стране, на сегодняшний день

¹⁴ Цит. по: Розанваллон П. Указ. соч. С. 8–9.

¹⁵ Пикетти Т. Капитал в XXI в. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 259.

демонстрирующей наиболее сильное неравенство в трудовых доходах. Здесь, по имеющимся статистическим данным (на 2010 г.), на долю самых богатых (10% от общего количества населения) приходится 35% общего объема трудовых доходов, в то время как на долю среднего класса (40% от общего количества населения) — 40%, а на долю «низших классов» (50% от общего количества населения) — 25%. Аналогичные показатели, хотя и более умеренные, обнаруживаются и в Европе — здесь на долю самых богатых приходится 25%, «среднего класса» — 45%, «низших классов» — 30% объема трудовых доходов.

Обратимся теперь к данным статистики относительно неравенства в собственности на капитал. Здесь можно наблюдать схожую картину. В США на долю самых богатых приходится 70% собственности на капитал, на долю среднего класса — 35%, низших классов — 5%. Практически идентичные показатели встречаем в европейских странах: на долю самых богатых приходится 60%, на долю «среднего класса» — 35%, на долю «низших классов» — 5% собственности на капитал.

Обобщив представленные выше показатели, т. е. определив общее неравенство в доходах (трудовых и с капитала), мы получаем следующие цифры. В США доля самых богатых в объеме доходов составляет 50%, доля «среднего класса» — 30%, доля «низших классов» — 20%. На европейском континенте на долю самых богатых приходится 35% от общего объема доходов, на долю «среднего класса» — 40%, на долю «низших классов» — 25%¹⁶.

При этом необходимо учитывать, что данные на 2010 г. говорят и о том, что в условиях экономического кризиса социальная поляризация и связанные с ней проблемы дополнительно усиливаются. Один российский исследователь верно подметил: «Наибольшую остроту проблема избыточного социального неравенства приобретает в периоды общественных трансформаций, когда устоявшиеся структуры равенства-неравенства демонтируются, а новые механизмы распределения материальных благ, социальных услуг, ценностей жизни и культуры еще только формируются. Особенно эти процессы обостряются в период кризисов»¹⁷.

Кризис, как известно, бьет, прежде всего, по низшим и средним слоям общества. Разумеется, в этих условиях гипертрофированное неравенство воспринимается еще более остро. Ведь «карнавал» сверхпотребления верхних слоев общества — включая не только

¹⁶ Данные приводятся по книге: Пикетти Т. Указ. соч. С. 247–249.

¹⁷ Смирнова Н.В. Социальное неравенство в современном российском обществе: состояние и динамика изменений: автореф... дис. канд. социол. наук. Краснодар, 2010.

крупный бизнес и топ-менеджеров, но и часть государственных служащих — по-прежнему продолжается. Это вызывает утрату доверия к власти и социальную депрессию, ощущение невозможности улучшить свою жизнь, безвыходности и отсутствия надежд. Такое положение вещей сегодня мы наблюдаем как в США, так и в европейских странах. Вспомним Дж. Стиглица и его книгу «Цена неравенства»: «С тех пор, как началась рецессия, прошло уже более пяти лет. Дефицит рабочих мест — разница между действительным количеством вакансий и тем количеством, которое необходимо для нормального функционирования экономики, — продолжает расти, а доходы простых американских граждан продолжают снижаться. В то время как экономический спад подавляется, совокупные последствия устойчивого неравенства, недостатка систем безопасности и растущего аскетизма крайне ощутимы»¹⁸.

Приведенные цифры явно не подтверждают вышеуказанную тенденцию к сокращению неравенства, обнаруженную экономистами в 70–80-х гг. XX в. При этом эксперты даже не прогнозируют положительной динамики в сокращении неравенства до 2030 г. Возьмем общее неравенство в доходах (трудовых и с капитала), ожидаемое в указанном году, в США. На долю самых богатых здесь будет приходиться 60% общих доходов, на долю «среднего класса» — 25%, на долю «низших классов» — 15%. Отрицательная тенденция очевидна. Здесь, однако, необходимо напомнить, что более равномерное распределение богатства в обществе не происходит автоматически по мере экономического роста, а является плодом сознательных и планомерных политических усилий. Иными словами, проблема роста неравенства не может быть объяснена некими законами экономического развития, она непосредственно связана с целенаправленной государственной политикой, которую как раз и отказываются проводить политические элиты. Таким образом, вопрос усиления неравенства перетекает из сферы экономического в область политического.

Важно отметить, что существующие в западных странах признаки социального неравенства кажутся несправедливыми большинству населения, независимо от уровня жизни и динамики личного благополучия. Однако особенно несправедливым кажется западное общество работающим лицам, которые не видят связи между своими трудовыми усилиями и улучшением своего положения, что объясняется этическим запросом на справедливость, понимаемую не как механическая «уравниловка», а как воздаяние, пропорциональное труду, знаниям и таланту. Несоответствие окружающей реальности

¹⁸ *Стиглиц Дж.* Цена неравенства: чем расслоение общества грозит нашему будущему / Пер. с англ. Е. Рождественской. М.: Эксмо, 2015.

этому представлению — важнейший источник демотивации и социальной депрессии. В то же время реализация запроса на справедливость способна сделать экономические и управленческие процессы более эффективными. И в частности — создать отсутствующие сегодня взаимное доверие и взаимную лояльность между социальным большинством и высшими слоями общества.

Тенденция к усилению неравенства, однако, затрагивает не только западные страны, но приобретает и общемировой масштаб. Если еще в начале XVIII в. наиболее богатые страны мира превосходили наиболее бедные в среднедушевом выражении доходов не более чем в два раза, сегодня этот разрыв измеряется уже несколькими десятками раз. В 2014 г. эксперты ОЭСР установили, что «разрыв между богатыми и бедными сейчас находится на самом высоком уровне за последние 30 лет в большинстве стран ОЭСР»¹⁹. В силу этого в политических дискуссиях вновь приобретают популярность различные «центро-периферийные» объяснительные модели.

Сравним, например, изменение отношения в доходах ВВП на душу населения 10% наиболее богатых стран мира к 10% наиболее бедных стран Рисунок 1 иллюстрирует разрыв между богатыми и бедными странами.

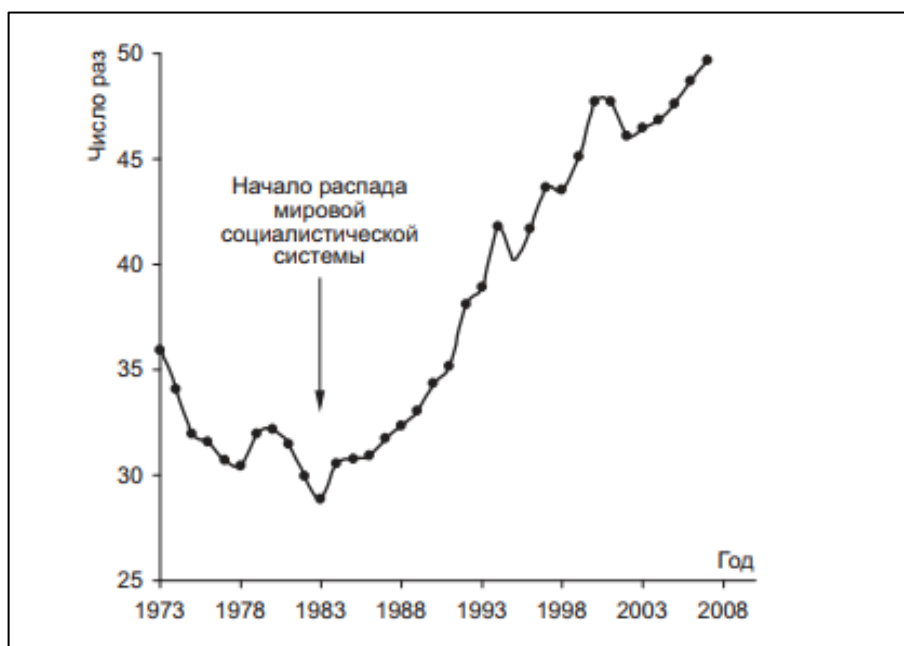

Рисунок 1. Отношение в доходах ВВП на душу населения 10% наиболее богатых стран мира к 10% наиболее бедных стран²⁰

¹⁹ Focus on Inequality and Growth / OECD. December 2014. URL: <https://www.oecd.org/els/soc/Focus-Inequality-and-Growth-2014.pdf> (accessed: 01.11.2017).

²⁰ См.: Angus Maddison // Groningen Growth and Development Centre [Website]. URL: <http://www.ggd.net/MA/DDISON/oriindex.htm> (accessed: 01.10.2017).

Приведем и другой пример. Не только США как мировой лидер, но и вся группа «развитых стран» по интернет-обеспечению в среднестатистическом выражении уходит все в больший отрыв от остального мира. Данный разрыв за десять лет (с 1997 по 2007 г.) возрос более чем в четыре раза (см. Рисунок 2). В этом смысле концепт «информационного общества» как универсального этапа мирового развития нуждается в принципиальном пересмотре. Степень технологической включенности в виртуальное пространство оказывается неоднородной.

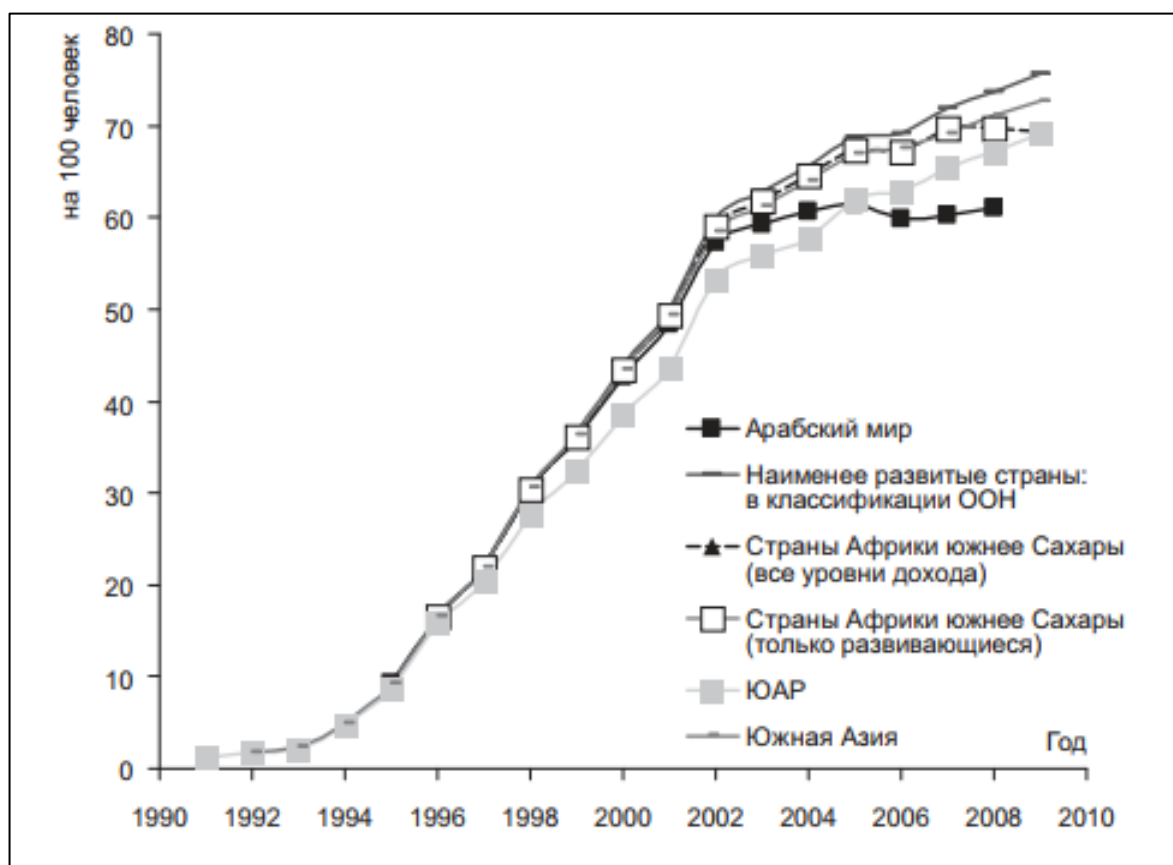

Рисунок 2. Разность между США и рядом регионов мира по числу интернет-пользователей²¹

Неравенство в качестве жизни наглядно иллюстрируется показателями расходов на здравоохранение (см. Рисунок 3). Мировое лидерство США здесь особенно очевидно. Разность расходов, идущих на обеспечение здоровья одного американца по отношению к жителям других регионов мира, изменяется по возрастающей. При этом четко дифференцируются две группы «отстающих» стран. Показательно, что Европа тоже год от года усугубляет свое отставание от США. Но ее отставание принципиально иное, чем у всех остальных регионов мира.

²¹ The World Bank Databank [Website]. URL: <http://www.databank.worldbank.org/ddp/home> (accessed: 01.10.2017).

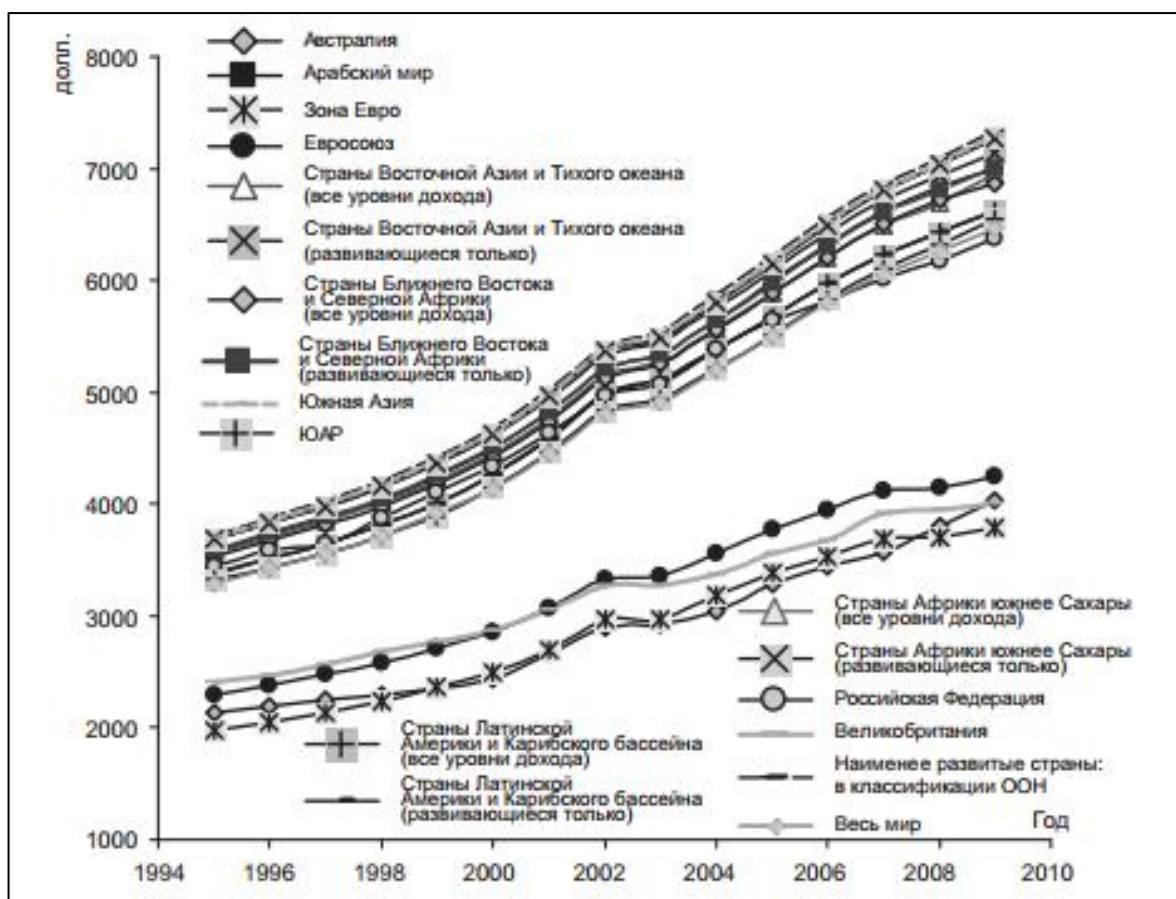

Рисунок 3. Разность между США и рядом регионов мира по расходам на здравоохранение, тыс. долл. на душу населения²²

Сходное увеличение диспаритета между мировым лидером — США — и странами периферии фиксируется по параметру среднедушевых расходов на образование (см. Рисунок 4). Некоторое время после распада СССР поддерживался относительный баланс этого соотношения. Но уже с конца 1990-х гг. разрыв в средствах, выделяемых на одного американца и на одного жителя других регионов мира, начал резко возрастать. Разность финансовых ресурсов, направляемых в сферу образования по регионам мира, отражает реальное различие образовательных потенциалов для мировой экономики. Декларации ООН и других международных организаций о достижении единого стандарта образования в мире практически дезавуированы. Мир идет в направлении усугубляющейся образовательной, а соответственно, и квалификационной дифференциации.

²² The World Bank Databank [Website]. URL: <http://www.databank.worldbank.org/ddp/home> (accessed: 01.10.2017).

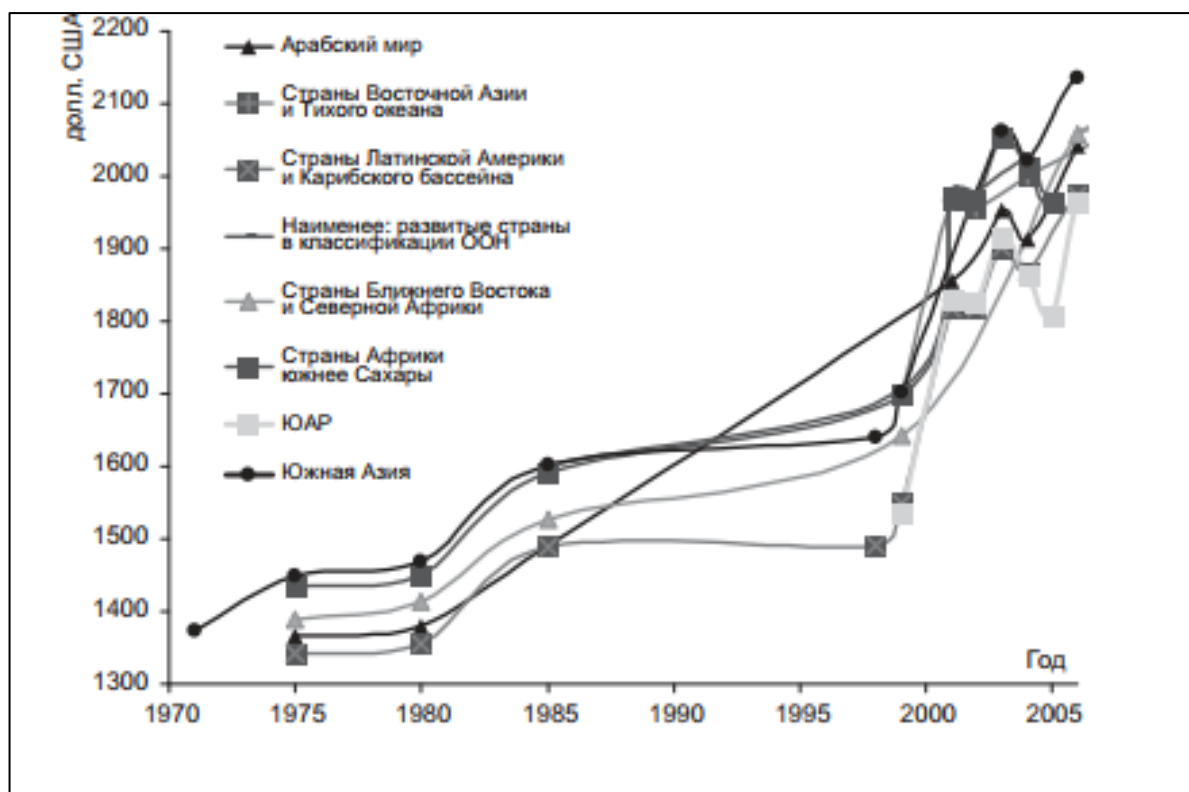

Рисунок 4. Разность между США и рядом регионов мира по расходам на образование, долл. на душу населения²³

Тенденцию к усилению неравенства в общемировом масштабе подтверждают и показатели продолжительности жизни. Обратимся вновь к Дж. Стиглицу: «Снижение доходов и уровня жизни, как правило, сопровождается множеством социальных проявлений. Это неправильное или недостаточное питание, злоупотребление наркотиками, ухудшение отношений в семье, которые негативно влияют на здоровье и вероятную продолжительность жизни. Действительно, уменьшение показателя продолжительности жизни зачастую более красноречиво, чем уровень дохода сам по себе»²⁴. Так, в США средняя продолжительность жизни по данным на 2015 г. составляет почти 79 лет, в Великобритании — 81 год, в Германии — 81 год, в Японии — 84 года. С другой стороны, во многих африканских странах продолжительность жизни населения с начала 1990-х гг. снижается (см. Рисунок 6). Так, за период с 1990 по 2006 гг. она сократилась: в Нигерии — на 11 лет, в Мозамбике — на 13, в Чаде — на 16, в Малави — на 18 лет. Налицо факт демографической катастрофы.

²³ The World Bank Databank [Website]. URL: <http://www.databank.worldbank.org/ddp/home> (accessed: 01.10.2017).

²⁴ Стиглиц Дж. Указ. соч. С. 15.

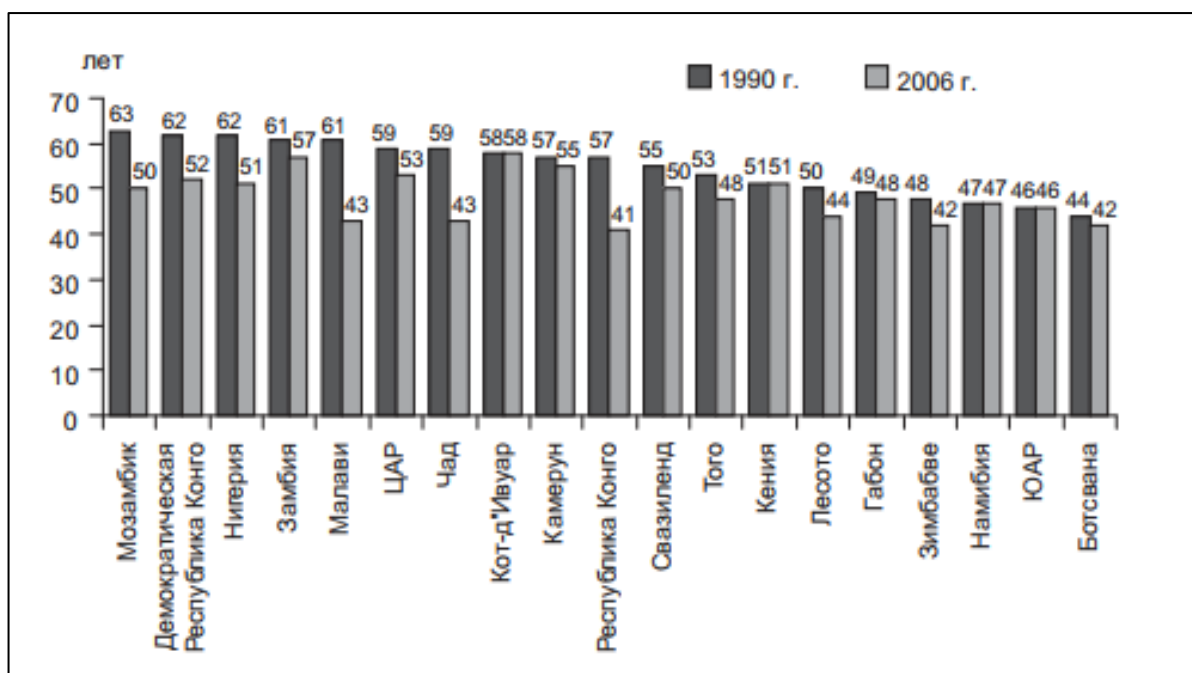

Рисунок 6. Продолжительность жизни в ряде стран Африки²⁵

Социальные последствия неравенства

Приведенная выше статистика — это не просто цифры. Это анамнез современного общества. Отдельно хотелось бы остановиться на тех процессах, которые происходят на Западе. Их суть четко изложил Н. Хомский: «Это не та бедность, которая существует в Третьем мире, но это и не то, что мы должны видеть в богатом обществе, самом богатом обществе в мире, где людей окружают богатства, которыми они не могут воспользоваться»²⁶. После Второй мировой войны так называемый децильный коэффициент, который характеризует соотношение 10% самых богатых и 10% самых бедных, значительно упал, а начиная с конца 1970-х гг. опять начал расти. Считается, что, если этот коэффициент не превышает 6–8, общество развивается стабильно. Но сегодня во многих европейских странах он уже достигает 14. Отчужденность от материальных благ создает основу для ресентимента — разрушительного чувства гнева, которое обуревает все более широкие слои общества.

Собственно, именно как общество, как цельный социальный организм, существующий в едином публичном поле, Запад сформировался, преодолевая неравенство и ресентимент. Рост материального благополучия при одновременном создании механизмов перераспределения прибавочного продукта в пользу самых обездоленных создавал вместо враждебных друг другу групп людей, одни из которых

²⁵ Страны и регионы 2008. Статистический справочник Всемирного банка. М.: Весь мир, 2009.

²⁶ Smith N., Allot N. Chomsky: Ideas and Ideals. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 308.

хотели отнять и поделить, а другие — сохранить свое любой ценой, в реальное сообщество граждан. Социальное законодательство второй половины XX в. и введение подоходного налога, объектом которого стали самые богатые слои населения, вкупе с экономическим бумом послевоенного тридцатилетия сформировали тот самый средний класс, ставший основой стабильности западных обществ.

Что мы наблюдаем сегодня, когда на фоне экономических проблем и сворачивания механизмов социального государства бедность вновь вышла на исторически рекордный уровень? Фактически, речь идет о распаде социального организма. В последние годы на Западе набирает обороты процесс обособления богатых и бедных. Символом социального единства здесь всегда были большие кварталы частного жилья, принадлежавшего представителям среднего класса. Сегодня они все чаще уступают место кварталам-гетто. В этих гетто не просто проживают люди разного имущественного статуса, здесь формируются различные представления об общем благе и даже различные культурные модели. Хорошо известен факт: жители неблагополучных парижских пригородов специально коверкают свой язык, создавая что-то вроде арго, которое непонятно чужакам.

Те, кто может позволить себе высокий уровень жизни, также группируются и живут под охраной государства и его полиции. У этих людей, соответственно, формируется стойкое отчуждение по отношению к согражданам более низкого социального статуса. Таким образом, возникает основа для острого гражданского конфликта, всполохи которого мы видим на Западе сплошь и рядом. С середины 2000-х гг. с завидной регулярностью горят машины в парижских пригородах, однако в прошлом году случилось то, чего мало кто ожидал, — зашаталась стабильность внутри американского общества. То, что американцы беднеют, — давно не секрет. Статистика демонстрирует это со всей наглядностью: в общем объеме произведенных в США товаров и услуг доля заработной платы упала до исторического минимума.

С возникающей отсюда нестабильностью Америка не может справиться. Массовые выступления афроамериканцев начались далеко не на пустом месте. В их случае неравенство имущественное накладывается на действительную культурную сегрегацию и тяжелую историческую память. Избрание президентом Д. Трампа — это еще один симптом того глубокого недовольства, которое охватило американцев. Не секрет, что избрание Трампа стало возможным благодаря поддержке т. н. ржавого пояса — электората штатов среднего Запада, подвергшихся наиболее глубокой деиндустриализации.

Это те самые люди, которые больше других потеряли в результате включения американской экономики в глобальное мировое хозяйство, построенное на принципах неолиберальной идеологии. В массе своей они были вынуждены поменять работу в реальном секторе на труд в сфере обслуживания. Проблема заключается в том, что, как еще в начале 1990-х гг. посчитали исследователи, реальная зарплата в сфере услуг в среднем на 10–15% ниже, чем в реальном секторе. К тому же, сказывается и моральный фактор: «Когда механизмы смены рода занятости работают столь быстро, что сталевары, шахтеры и сварщики отказываются от ремесла, которым занимались всю жизнь, чтобы получить новые навыки, под угрозой пополнить армию безработных или низкооплачиваемых работников, депрессия и фрустрация — вероятные результаты этого процесса»²⁷.

На фоне выдержанных в духе неолиберальной идеологии заклинаний о неизбежном росте благосостояния всех слоев населения все это выглядит действительно удручающе. Социальное недовольство, вызванное действительным неравенством, находит лишь два выхода: в уличном протесте и политическом абсентеизме. Если вспышки первого пока еще в основном локализуются, то второй охватил уже практически все страны Запада. Уровень поддержки системных политических партий на Западе стремительно падает. Старые партии, сплоченные неолиберальным консенсусом, все меньше говорили о том, что волновало людей в новых условиях, и практически повсеместно уступали место тем силам, которые выступали против самой системы, генерирующей риски и нестабильность. Последствия этой ситуации начали проявляться уже в начале 2000-х гг. Тревожными симптомами стали падение популярности и стагнация старых системных партий и параллельный рост новых политических сил. Цифры говорят сами за себя. В Великобритании консенсус между консерваторами и лейбористами начали подтачивать евроскептики. В странах Южной Европы, где политическая система была менее устойчивой, этот процесс шел еще быстрее.

Речь идет лишь о нескольких примерах тех кризисных явлений, которые поразили политические системы европейских государств. К настоящему моменту они лишь усилились. Последние голосования и опросы общественного мнения показывают беспрецедентный рост несистемных сил в Испании (партия Подемос, 20,7% голосов на парламентских выборах 2015 г.), Италии (28% граждан, готовых проголосовать за антиглобалистов и евроскептиков из партии «Пять звезд», и 15,5% избирателей,

²⁷ *Luttwak E.* Why Fascism Is the Wave of Future // London Review of Books. 1994. Vol. 16. No 7. P. 3–6. URL: <https://www.lrb.co.uk/v16/n07/edward-luttwak/why-fascism-is-the-wave-of-the-future> (accessed: 01.10.2017).

поддерживающих правых евроскептиков из «Лиги Севера»), Германии (13,5% поддержки у партии евроскептиков «Альтернатива для Германии»).

Но проблемы наблюдаются не только на Западе. Включение в глобальную экономику действительно на определенном этапе дало выгоду странам Азии и Африки. Правда, что в целом они богаче, чем 50 лет назад. В случае Китая об этом говорить излишне: экономические достижения КНР очевидны и не нуждаются в презентации. Такие страны, как Китай, Индия, Бразилия выбились в число мировых лидеров по объему ВВП, и их жители получили свои дивиденды от этого. Но для того, чтобы хотя бы приблизиться к нынешнему среднему уровню жизни западных стран, им надо проделать еще длительный путь. По данным агентства «Гэллап», бедность в Китае сокращается достаточно быстрыми темпами: с 26% в 2007 г. до 7% в 2012 г.²⁸ Но при этом надо понимать, что пока этот результат достигается механически, за счет наращивания ВВП, благодаря той позиции, которую КНР занимает в глобальной экономике.

Однако экономика Китая крепко привязана к американской. В 2016 г. товарооборот между двумя странами достиг 519 млрд долларов. Правда, что Китай здесь имеет значительный профицит, но в данном случае это тоже является формой зависимости. Дальнейший экономический рост КНР, который позволит ей успешно бороться с бедностью и имущественным неравенством, тесно связан с перспективой создания в стране емкого внутреннего рынка. Однако это явно не входит в планы глобальной экономической элиты.

* * *

Подводя итог нашему небольшому исследованию, отметим, что в силу изложенных выше аргументов идея равенства на современном этапе нуждается в серьезном переосмыслении. Нет и не может быть никакого реального равенства без уважения разнообразия. Речь здесь идет не о т. н. толерантности и политкорректности, которые в последние годы расцвели на Западе и которые на самом деле не имеют никакого отношения к равенству. Этот сюжет заслуживает отдельного рассмотрения. Речь идет о другом — об уважении культурного и жизненного разнообразия, которое формирует общественную и мировую гармонию. Это равенство является подлинным. Его развитие на уровне национального государства позволит нам, наконец, начать диалог между социальными группами.

²⁸ Kravtsov G. China Makes Huge Strides to Tackle Poverty, Report Says // CNN. 24.12.2013. URL: <http://edition.cnn.com/2013/12/24/business/china-poverty-report> (accessed: 01.10.2017).

Список литературы:

1. *Исаев М.А.* История государства и права зарубежных стран. М.: Юрайт, 2011.
2. *Кревельд М., ван.* Американская загадка / Пер. с английского. М.: ИРИСЭН, 2008.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Сочинения. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419–459.
4. *Пикетти Т.* Капитал в XXI в. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
5. *Платон.* Государство. М.: Русайнс, 2017.
6. *Розанваллон П.* Общество равных. М.: Московская школа политических исследований, 2014.
7. *Смирнова Н.В.* Социальное неравенство в современном российском обществе: состояние и динамика изменений: автореф... дис. канд. социол. наук. Краснодар, 2010.
8. *Стиглиц Дж.* Цена неравенства: чем расслоение общества грозит нашему будущему / Пер. с англ. Е. Рождественской. М.: Эксмо, 2015.
9. Страны и регионы 2008. Статистический справочник Всемирного банка. М.: Весь мир, 2009.
10. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.В. Левина. М.: АСТ, 2004.
11. *Хайек Ф.А., фон.* Дорога к рабству / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2005.
12. Angus Maddison // Groningen Growth and Development Centre [Website]. URL: <http://www.ggdgc.net/MADDISON/oriindex.htm> (accessed: 01.10.2017).
13. Focus on Inequality and Growth / OECD. December 2014. URL: <https://www.oecd.org/els/soc/Focus-Inequality-and-Growth-2014.pdf> (accessed: 01.11.2017).
14. *Hirsch F.* Social Limits of Growth. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1976.
15. *Kravtsov G.* China Makes Huge Strides to Tackle Poverty, Report Says // CNN. 24.12.2013. URL: <http://edition.cnn.com/2013/12/24/business/china-poverty-report> (accessed: 01.10.2017).
16. *Luttwak E.* Why Fascism Is the Wave of Future // London Review of Books. 1994. Vol. 16. No 7. P. 3–6. URL: <https://www.lrb.co.uk/v16/n07/edward-luttwak/why-fascism-is-the-wave-of-the-future> (accessed: 01.10.2017).
17. *Mannet P.* Intellectual History of Liberalism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.

18. *Smith N., Allot N.* Chomsky: Ideas and Ideals. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
19. The World Bank Databank [Website]. URL: <http://www.databank.worldbank.org/ddp/home> (accessed: 01.10.2017).
20. U.S. Census Bureau, Current Population Survey, 1960 to 2016 Annual Social and Economic Supplements.
21. *Valdés J.G.* Pinochet's Economists: The Chicago School in Chile. New York: Cambridge University Press, 1995.

Yakunin V.I.

**Real and Imaginary Equality:
A Value Becomes an Instrument of Ideological Domination**

Vladimir I. Yakunin — Doctor of Political Sciences, Chair of Public Policy Department, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: viy@polit.msu.ru

Annotation

The article is dedicated to the phenomenon of inequality and its impact on the sociopolitical process in the modern world. After the collapse of the real socialism and an economic transition of many countries to the market system, the rate of inequality has risen considerably. This situation contradicted the ideological postulates, on which the new models of world order were based. The rising inequality inside the Western countries led to the dangerous situation of social division and catalyzed the processes of segmentation, resulted in mutual marginalisation of social groups, which differ in their standards of living. In conclusion, the author claims that the modern world needs a profound reconsideration of the concept of “equality”.

Keywords

Equality, ideology, ideological tool, social stratification, Western countries.